

Читайте в серии «Имитатор»

Книга 1 – «Увертюра»

Книга 2 – «Дважды два выстрела»

Книга 3 – «Оправдание невиновных»

Книга 4 – «Охота на охотника»

Книга 5 – «Наследники»

Книга 6 – «Голос крови»

Книга 7 – «Сценарий для убийцы»

Книга 8 – «Манипулятор»

РОЙ

ОЛЕГ

**ИМИТАТОР
НАСЛЕДНИКИ**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44
Р58

Рой О.

Р58 Наследники / О. Рой. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 352 с. — (Имитатор).

ISBN 978-5-521-91922-2

Кому мог понадобится гроб с телом знаменитого актера? Внебрачному сыну — ради образца ДНК? Дочери покойного, не желающей допускать в семью чужака? Одной из многочисленных поклонниц? Все ниточки этого странного дела, кажется, ведут в театр. Или... не все?

Сумасшедшая театральная фанатка угрожает Арине ножом, но куда страшнее тот, кто нападает из тени. Тот, кто шепчет «кто тебя просил лезть куда не просят», тот, кто пытается уничтожить и ее саму, и самых близких ей людей? Неужели, разоблачая убийцу, на которого указывал архив покойного опера, она ошиблась?

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-521-91922-2

© Олег Рой, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

*Любые совпадения с реальными именами и событиями
следует считать абсолютно случайными.*

Автор

ПРОЛОГ

— **В**ы когда-нибудь задумывались, в чем секрет популярности? Что ее вызывает? Вопрос был глупее некуда. С какой стати задумываться о подобной ерунде? Журналисты — идиоты. Даже те, кто никак, никак не может оказаться идиотом! Это профессия такая — быть идиотом. И лишь иногда — полезным идиотом. Потому что без этих словоблудов не обойтись. Никак не обойтись. Хорошее слово — идиот. Емкое. Иди от.

Но вопрос о причинах популярности... тьфу, пакость какая! Откуда он вылез? Вызывает, надо же. Как

будто популярность — это дьявол, а он тут сидит и рисует пентаграммы. И слово-то какое скользкое — популярность. Поп да ля-ля-ля, два прихлопа, три при-топа! Но ведь совершенно не обязательно отвечать напрямую. Ты усмехнулся и заговорил — мерно, как падают капли в гигантских, выше самого высокого собора, водяных часах. И не водяных вовсе! Верхняя колба переливается металлическим блеском, потому что в ней не вода — ртуть. Да, точно. Слова должны падать гигантскими ртутными каплями:

— Он выглядит обычным человеком. Лишь те, у кого довольно отваги и зоркости, чтобы взглянуть на пространство за ним, видят оставленные им следы. Устрашающе глубокие, словно сама земля поддается, проседает, плавится под невыносимой его тяжестью. Беда в том, что сам он не может, не умеет обернуться. Не чувствует собственной тяжести, не видит этих следов, не ощущает подымающегося от них запаха. Непристойно отвратительного, но столь же и притягательного.

По лицу напротив пробежали тени. Искажая, заставляя щуриться, морщиться, гримасничать.

Что, страшно? То-то же! А ведь это и есть — ответ. Это только глупые девки колют себе ботокс — или что они там колют? — чтобы приблизиться к этой, как ее, красоте. Дуры! Думают — хотя думать там нечем, долбят попугайски — что на красоту, как на огонек свечи, летят, летят, летят мотыльки. Идиотки! Притягивает не красота, притягивает мрак. Тот, что таится в глубине змеино-го зрачка. И безмозглые макаки, повинувшись этому мраку, делают шаг, другой, третий, все ближе, ближе, и взгляда не отвести... Хорошо ли вам видно, бандерлоги?

Следующего вопроса ждать пришлось долго. Наконец губы, прячущиеся в бликах света и тьмы, шевельнулись:

— Образы, которые вы создаете — как вы добиваетесь, чтобы они были настоящими? Как это у вас получается?

Это было уже не настолько глупо, можно и как полагается ответить.

— Потому что надо не создавать, а жить в них!

— Это полное перевоплощение или вы смотрите со стороны?

Нет, он точно идиот! Перевоплощение! Пришла фея-крестная, махнула палочкой, и тыква превратилась в карету. Ты чувствуешь, что бесполезно, что словами ни до чего, ни до кого не достучаться — и все-таки говоришь, едва сдерживая закипающее раздражение:

— Должна быть живая кровь. Живая, горячая, а не какая-то розовая пластмассовая жижа...

Собственный голос звучит почему-то зыбко, неуверенно, чуть ли не испуганно. И штампы эти пошлые — «горячая кровь», «розовая жижа». Тьфу.

От окна тянет сквозняком, и пламя свечей едва заметно колеблется, блики пробегают по лицу журналиста, и кажется, что тот ухмыляется. Точно, ухмыляется! Да как он смеет! Кто он — щелкопер, строкогон! Никто! Отличное слово в интернетах придумали — журнашлюшка! Ему бы глядеть снизу вверх, робея, трепеща — позволили приблизиться к тому, кому суждена — вечность... Но ухмылка — насмешливая, почти пренебрежительная неоспорима!

Размахнувшись, ты бьешь прямо в ненавистное ухмыляющееся лицо. Удар за ударом, удар за ударом,

слыша только слабый хруст. Плевать на боль, что пронзает пальцы, на кровь, выступающую из сбитых костяшек, главное — стереть эту отвратительную ухмылку!

Наконец ты останавливаешься. И улыбаешься, глядя на лицо на полу — в пятнах крови, изломанное, искореженное, изорванное! Вот так!

Это искореженное, изорванное лицо, и боль в разбитых костяшках, и горячий, пульсирующий в горле восторг — вот оно, настоящим! Если бы можно было не просто запомнить — сохранить этот жар, этот восторг, эту силу! Взывать к ней и — пропустив через себя — выплескивать! Чтобы все разинули рты! Хорошо ли вам слышно, бандерлоги?

Возбуждение схлынуло, как горный поток после ливня: только что ярился, бурлил, казался смертельно опасным — и вот уже нет его, пустое ущелье щерится разочарованными, едва влажными клыками скал, между которыми застрял неопрятный мусор канувшего в никуда пикника.

Пустота.

Все эти... репетиции... бесполезны.

Нельзя поднять самого себя за волосы.

Нет.

Вот если бы это лицо было живым...

ПЯТНИЦА, 17 МАЯ

* * *

— Прости, что давно не приходила, — Арина погладила узкий холмик — как одеяло поправила — собрала нападавшие с нависшей сверху березы сережки, но тут же высыпала их обратно в траву, вокруг банки с крупными садовыми ромашками. И веточку, уроненную лезущим сквозь оградку шиповником, добавила. Укололась — и почти обрадовалась этому.

Да, так лучше.

— Прости, — повторила Арина. — Мне так трудно сейчас. И дома, и... вообще. Помогите?

Ветерок шевельнул листву над головой, солнечные блики на сером камне сдвинулись, фотография в каменном «медальоне» улыбнулась — едва-едва. То ли благодарила, то ли утешала.

На Воскресенском кладбище сейчас хоронили так редко, что можно считать никогда. Разве что на семейных участках или уж по очень большим деньгам и связям.

И все-таки из соседней аллеики, из-за старых, но пышных берез, среди которых темнели кое-где невы-

сокие декоративные елочки, доносился слабый, но явственный шум. Едва различимые человеческие голоса и еще что-то механическое, как будто мотор какой-то там работал. Арина покосилась в ту сторону. Сквозь зелень просматривалось что-то серое, массивное. И вспышки какие-то мелькали. Фотографируют? Хорошат какого-то большого человека?

— Ты! — рыдающий вскрик прорезал и березовый шепот, и ропот человеческих голосов, и механический гул. Как молния прорезает и темную облачную тяжесть, и мутную дождевую пелену. Только молния падает вниз, а этот возглас летел в самую вышину. Если бы не деревья, подумалось вдруг Арине, его можно было бы увидеть — острый, пронзительный, болезненно-горячий.

Она поправила ромашки, погладила серый камень, поднялась:

— Прости. Ты же понимаешь, да?

Разросшиеся за десятилетия березы, рябины и боярышник только казались сплошной массой. За кладбищем ухаживали, по крайней мере за этой его частью. На аллею, откуда исходил шум, удалось пробраться без труда и, главное, без ощутимого урона коже и одежде. Арина, правда, и сама не понимала — зачем ей эти чужие похороны.

Только — похороны ли?

Их порядок установлен давным-давно: служители готовят могилу, потом приезжают скорбящие родственники и друзья, говорят прощальные речи, опускают гроб в яму, засыпают ее землей — и ставят сверху памятник, крест или просто каменную плиту. Но это уже обычно позже, когда могила «осядет». Здесь же па-